

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХО НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО
ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ТИХО НОЧЬЮ НА СТЕПИ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Тихо ночью на степи / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 312 с. — (Дорогой длиною).

ISBN 978-5-521-92500-1

У знаменитой московской певицы, цыганки Насти было все — слава, богатство, роскошные наряды, восторженные поклонники... Она забыла обо всем, сбежав в кочевье с таборным парнем Ильей. Теперь блистательная певица ходит босиком по разбитым дорогам. Илья любит жену, и Настя ни о чем не жалеет. Но жизнь подружки конокрада — это вечный страх. И несчастье уже ждет за поворотом дороги...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92500-1

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова и актрису
театра «Ромэн» Анжелу Баталову-Лекареву
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

Г Л А В А 1

Вечером четвертого мая 1888 года в Москву пришла первая гроза. Огромная туча вывалилась из-за Бутырской заставы и разом накрыла собой Петровский парк со знаменитым рестораном «Яр», Тишинский рынок, Большую и Малую Грузинские и Живодерку — маленькую, кривую и грязную улочку, сплошь населенную цыганами. Синие молнии перекатывались по черной громаде из конца в конец. От первого мощного удара грома с куполов церквей разлетелись галки, порывы ветра начали трепать ветви лип, обрывая молодые листья. Живодерка мгновенно опустела: ее обитатели помчались по домам, и последних опоздавших загоняли в двери крупные, тяжелые капли дождя. Целая толпа молодых цыган — уже намокших, хохочущих, поминающих Илью-пророка и Богородицу, — ввалилась в Большой дом. Дом этот, довольно старый, с покосившимся мезонином, выкрашенный облупившейся голубой краской, утопающий в цветущей сирени, вовсе не был самым большим на Живодерке, значительно уступая в размерах публичному дому мадам Востряковой и высоченной развалюхе купца Щукина. «Большим» его называли цыгане: здесь проживала семья Якова Васильева, дирижера известного в Москве цыганского

хора. Здесь, в Большом доме, принимали гостей, проводили репетиции и прослушивания новичков, а также устраивали, при необходимости, общие сборы. Яков Васильев был вдов, при нем жила его сестра Марья, тоже вдова, со своими семью детьми, а также дочь — Настя, семнадцатилетняя примадонна хора, известная всей Москве, которая со дня на день должна была выйти замуж. Только вчера свершился, наконец, окончательный сговор между родителями: Настю сосватали цыгане из Петровского парка, известная и уважаемая семья Волковых. Яков Васильев дал согласие, Настя не возражала, хотя цыгане и решили между собой, что невеста могла бы выглядеть и порадостней.

Гроза пришла на Живодёрку, когда весь хор уже сидел в Большом доме и готовился идти в ресторан. Оконные стёкла дребезжали от громовых ударов, когда в нижнюю комнату Большого дома спустился Яков Васильев. Он окинул разом притихших цыган сердитым взглядом, принялся шагать по комнате вдоль стены, заложив большие пальцы рук за пояс казакина. Изредка он неодобрительно поглядывал на залитые дождём окна. Наконец, проворчал:

— Принесла же нелёгкая грозу эту... Как теперь до ресторана добираться?

— Доберёмся, Яша, ничего. Кончится скоро, над заставой просветы уже. — подала голос из-за стола Марья Васильевна.

— Настя где? Готова ехать? — отрывисто спросил Яков.

— Спит пока. Не беспокойся, разбудим, когда надо будет.

— А Смоляковы? Не появлялись? Черти таборные, где их третий день носит?! Митро, тебя спрашиваю!

— Да что ж я им — нянька? — невиннейшим голосом отозвался Митро, — Они же мне того... доклада-то не сделали. Может, у Ильи дела какие... Может, лошади...

— А Варька? Тоже, скажешь, лошади?! Тьфу, не дай бог обратно в табор съехали... Все они, подколёсные, одним миром мазаны... Весной носом по ветру потянул — и только его и видно.

— Не должны бы... — пробормотал Митро. — Илья мне обещал...

— Ну, так где он, твой Илья?! — взорвался хоревод, и Митро на всякий случай переместился поближе к двери. — И сестрица его где? Купцы в ресторане уже голоса посрыгивали, Смоляковых требуют! Кто «Глаза бездонные» петь будет? Паршивец, ну пусть явится только! Сколько раз тебе говорить — доглядай за ними, доглядай!

Митро сердито сверкал узкими глазами, ерошил пальцами и без того взлохмаченные волосы, молчал. Если бы Яков Васильев не был так сердит, он заметил бы, что племянник украдкой поглядывает на молодых цыган, сидящих возле двери, и те отвечают ему такими же встревоженными взглядами. Но хоревод ожесточённо мерил шагами комнату, хмурился, тёр пальцами подбородок и, думая о своём, ничего не замечал.

Марья Васильевна оказалась права: через час гроза унеслась за Москву-реку, и над городом опрокинулось чистое небо, подсвеченное на западе розовым закатом. За Таганкой ещё погромыхивало, мокрые ветви сирени роняли в палисадник капли, вся Живодёрка блестела лужами, но дождя больше не было. Пора было идти в ресторан на работу.

Митро, стоя у рояля, настраивал гитару.

— Не мучайся, всё равно по дороге от сырости спустят, — посоветовал Яков Васильев. — В ресторане настроишься. Эй, Маша! Ну, где там Настя, добудиться, что ли, не может? Так я пожарников из части в помощь вызову! Та-а-ак... Ну, что ещё?

Последние слова хоревода относились к сестре Митро Стешке, которая спускалась по лестнице, ведущей с верхнего этажа. Спускалась Стешка неохотно, цепляя ногу за ногу, и на её физиономии было выражение крайнего замешательства.

— Ну, что? Где Настя? — нетерпеливо спросил Яков Васильев, подходя к лестнице. Стешка прижалась спиной к стене, зажмурилась и выпалила:

— Нету!!!

В комнате разом стихли разговоры. Все головы повернулись к бледной Стешке. Яков Васильев одним прыжком оказался рядом с племянницей. Стешка приоткрыла один глаз, тут же зажмурилась снова и пропищала:

— Нету Настьки... Только постеля разобрана, а её самой...

Яков Васильев сел, как подкошенный, на ступеньки. Хриплым шёпотом сказал:

— Свят-господи, так и знал... — И тут же рывкнул: — Кто её последним видал?! Митро! Маша! Стешка! Говорите, собачьи дети, чертей вам под хвосты!!!

Тишина — и взрыв голосов. Испуганные цыгане орали во всё горло, колотя себя в грудь и божась, что не видели Насти со вчерашнего дня. Стешка ревела благим матом. Марья Васильевна помчалась наверх — проверять, на месте ли Настины вещи. За ней ринулись цыганки. В общей суматохе не принимал участия только Митро, который стоял у дверей со скрещенными на груди руками и о чём-то напряжённо думал. Он даже не сразу почувствовал, что его дёргают за рукав. Но дёргающий не успокаивался, и, наконец, Митро вздрогнул, повернулся и сумрачно спросил:

— Чего тебе, Кузьма?

— Выйдем, Трофимыч... Разговор есть...

— Какой разговор, очумел? Не видишь, что творится?!

— Так и я о том! Идём, Трофимыч, пока не приметил кто...

На улице Митро схватил парнишку за плечо.

— Ну, говори. Увижу, что врёшь, — уши оборву!

— Очень надо! — обиделся Кузьма. — И не держи так, больно... Тут вот что, Трофимыч. Настьку я видал.

— Когда видал? — тихо спросил Митро. — С кем? Где?

— Да нигде! И ни с кем... Два часа назад ко мне влетела. — Кузьма кивнул на дом через дорогу. — Прибежала, в платье своём чёрном, без шляпы даже. И давай выспрашивать — где да где Смоляко...

— Смоляко? — ещё тише переспросил Митро. — Илья?!

— Да Илья же!

— И что ты ей, каторжная морда, сказал?! — Митро снова с силой сжал плечо цыганёнка, но тот сердито вырвался:

— А что ты на меня-то?! Она, промежду прочим, реветь начала белугой! В голос, как по мёртвому! Кричала, что ежели я ей не скажу, она под пролётку бросится! И бросилась бы! Настьки ты, что ли, не знаешь?

— Так ты ей сказал!!! — загремел Митро на всю улицу.

— Ну, сказал... — буркнул Кузьма. — А куда деваться было? Она еле дослушала, за дверь кинулась, на извозчика вскочила, — и только и видели...

— Да что ж ты, нечисть, сразу-то ко мне не пришёл?! Господи, где ремень, я сейчас этого паршивца... — Митро в самом деле схватился за пояс, и Кузьма мгновенно, как уличный кот, вскарабкался на огромную ветлу у забора. Свесившись из развилки, пояснил:

— Вот потому и не пришёл. Шкура, небось, не купленная, а я ничем не виноватый...

— Тьфу, сатана... Ну, спустись только, не обрадуешься! — Последние слова Митро крикнул, уже скрываясь за поворотом на Большую Садовую, где стояли в ожидании седоков несколько извозчиков. Кузьма, подождав на всякий случай немного, осторожно слез с ветлы, одёрнул рубаху, посмотрел

по сторонам и побежал обратно в Большой дом, откуда уже на всю Живодёрку разносились вопли и проклятия.

Извозчик оказался человеком сговорчивым и за двугривенный повёз Митро через всю Москву в Таганку. Богатые, большие особняки Тверской, расписные дома замоскворецких купцов сменились понемногу низенькими одноэтажными домиками за покосившимися заборами, немощёные улочки утопали в грязи, мокрая листва звонко роняла в лужи капли недавнего дождя. Небо уже темнело, и Митро подумал, что обратно, к выходу в ресторан он никак не успеет.

— Станови здесь, — сквозь зубы приказал он извозчику, когда они свернули в тесный тёмный проулок, сплошь заросший яблонями и липами. — Да смотри дождись меня!

— Не бойсь, Трофимыч... — пробасил извозчик. И тут же залюбопытствовал: — А что у вас за баталья сегодня приключилась? Ажно на Садовой слышать было, как Яков Васильич разорялись... Опять, что ль, кто из теноров запил?

Митро только отмахнулся и, широко шагая, пошёл прямо по лужам к дому. Войдя во двор, он споткнулся о лежащую в грязи подкову, выругавшись, отшвырнул её сапогом, поднял голову — и остановился, встретившись глазами со стоящей на крыльце дома Варькой.

— Девочка?.. Фу-у, слава богу, здесь ещё... Где Илья?

Варька не ответила.

— Как башка у Ильи, зажила? — Митро поднялся на крыльцо, встал рядом с Варькой. — Говорил я, что ничего ему не будет. У конокрадов головы крепкие, лупи их хоть колокольней — нипочём... Да где он? Дрыхнет до сих пор? Варька, ты... чего ревёшь?

Митро резко поднял за подбородок Варькину голову. Та немедленно отбросила его руку, но уже не могла скрыть бегущих по лицу слёз. Митро, нахмурившись, ждал, пока